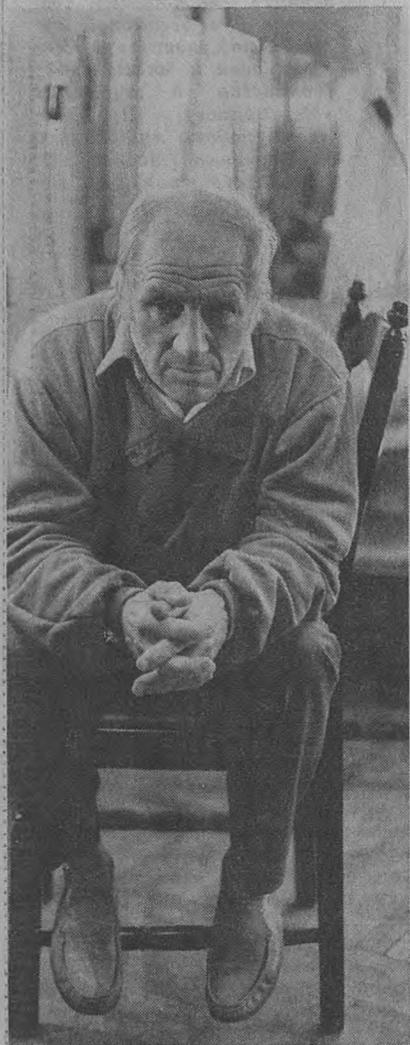

1990. — Част. — С. 10

Лев Дуров:

С АКТЕРОМ — ПО ДУШАМ

«Я ТОЖЕ КОЕ-ЧТО ПОНИМАЮ...»

И я ее понимаю. Потому что «Квадрат...» — это тот самый Нижний Тагил, доменная печь, которую она уже видеть не может, а влечет ее призрачная иллюзорность. Так это драма.

«Кубанские казаки» нельзя снимать, когда в стране голод! Здесь тоже гражданская позиция. Писать песни о Сталине меня заставили бы только под пытками. Катастрофа такие стихи. Вот Савва Ямщиков восстанавливает историю в живописи, реставрируя картины. А другие выдумывают ее.

— Ощущение, что искусство гибнет, если уже не погребло.

— Не погребло. Театр, например, залег. Хотя есть отдельные вспышки. Марк Захаров, например. Но это положение временно. Почему? Еще Ромм говорил, что театр умрет. Но об этом говорили со времен Древней Греции, а толпы тем не менее шли. А сейчас спад во всем. Музыка, живопись, кино — все искусство шло по восходящей, и кризис наступил. Ведь были зарубежные фестивали, где мы завоевывали первые места. Мы доказали, что советский театр чего-то стоит, на международной арене не проигрывает. В настоящем жизнь сложна и остра, публикации сильны. А в театре выпали ретро, шекспировские страсти, потому что ничего сильного, современного не создано. Если бы меня спросили: «Дуров, пойдешь в театр или сессию Верховного Совета посмотреть будешь?» Я честно скажу: «Сессию». Потому что такой спектакль я не скоро увижу. На первый план вышла политика. Искусство должно постоянно находиться в оппозиции, поэтому какая сила нужна, чтобы противостоять этому.

— Откуда вы родом?

— Я коренной москвич. Родился в Немецкой слободе, в Лефортовском дворце, правда, в Екатерининской конюшне. И Петр I приезжал в наш двор и бегал там за Анхен. Тут недавно кто-то защитил диссертацию о том, что Пушкин родился не на Бауманской улице, а на углу Госпитальной и Почтовой. Так я это всегда знал. Вот, думаю, дурак, давно бы мог, еще в детстве, защитить диссертацию по этому делу. Улица наша называлась Коровий Брод, теперь Вторая Бауманская, как будто бы еще второй Бауман. Вообще родословная Дуровых — 6-я часть геральдической книги России. Среди них 8 столбиков Петра, кавалер-девица Надежда Дурова (ее столик для рукоделия стоит в кабинете, в Уголке Натальи Дуровой, моей двоюродной сестры), один петрашевец... Большая претензия у меня к Александру Сергеевичу. На пути из Минеральных Вод градоначальник Сарпула Дуров оказался без средств. Мой родственник уже подумывал сразбойничать, казну ограбить или еще чего, как тут встретился ему Пушкин, который взял его под опеку. А затеявши игру, выиграл Дуров у поэта пять тысяч. Пушкин отдал деньги, но в письме, как кажется, Пушкину наябедничал. Дескать, встретился ему один человек по дороге, сыграл с ним, а он «играл шельма нечестно», передегеривал. Так жаловаться нехорошо, Александр Сергеевич! Ну это я шушу, конечно. Все мы знаем, что Пушкин — гений, отсчет идет от него...

— Актером, как и полагается, стали с рождения?

— Ничего подобного. Все школьные годы я провел на голубятне, а к школе питал патологическое чувство. Надо сказать, мы относились с огромной нежностью друг к другу, так что аттестат у меня был однородный. Никуда бы я не поступил. 3 года я прозанимался в драмкружке в Доме пионеров, поэтому пошел в Школу-студию МХАТа. Если бы провалился, то, признаюсь, не резал бы вены, а пошел на завод. Но тогда пажонов не любили. Я был попроче, поэтому поступил. На курсе тоже были ребята простые: Губанов, Зимин, Анофриев, Харитонов. Тенденция правильная, наверное. Мы про жизнь знали больше. Сейчас наоборот. Тоже правильно. Если бы я сейчас поступал, меня отсеяли бы, наверное, на первом же туре. Типажи диктует время. Кто первый послевоенный герой? Герой Рыбникова, который руками строил — меньше выдумывал диссертации. Правильно. Война была, разруха, поднимать все надо было. Потом на смену пришел герой Баталова, интеллектуаль-

ный рабочий. А Смоктуновский предложил другую систему, озадачил. Теоретически и практически озадачил актерскую школу, подсознательно, скорее. Была необходимость чего-то другого.

— Актерское амплуа, это хорошо или плохо?

— Ну прежде всего это ограничение. Правда, государство — это тоже ограничение. Амплуа есть для умных и для дураков.

Если я умный. Это реальное положение в труппе и реальные мои возможности. Тогда: если я умный, есть момент — я начинаю сопротивляться. Думаю: «Что я — Розенкранц? Нет, я и Гамлет». И начинаю расширять амплуа. Но у меня остаются тылы: Розенкранц. Я могильщик? Хорошо. А ну-ка пускай Пол Скоффилд сыграет Могильщика, как я. А дело мое — доказать, что я и Гамлета могу играть. Это для умных. Спокойная позиция.

Дурак: «Ага, меня загоняют! Ага, меня ограничивают! Ага, мне не доплачивают! Ах я — Гамлет! Я — Гамлет! А мне дают эпизод! Я на втором плане!» И то это, то это... И он перестает быть и Розенкранцем. И оказывается 5-й Алебардой в углу. Почему? Претензия несостоятельности к миру. И вот такая личность отравляет жизнь всем, все вокруг враги, талант загублен. А загубленных талантов не бывает. Очень редко, когда случается такое. Человечество не заинтересовано в этом. Кто-то, может, а человечество — нет. Как плевали в импрессионистов, а они висят во всех музеях мира. Важное, трезвое понимание своего места в искусстве. У каждого своя высота. Кстати, такая моя трезвая оценка вознаграждена. Вот сейчас Портнов начинает репетировать «Короля Лира». Правда, чем это закончится, не знаю. Ведь на этой сцене Лира играл великий Михоэлс.

— Вы, кажется, неплохо владеете пером?

— Да нет! Ну, к примеру, сижу на пляже. Сидит в голове хреновина с морковинкой. Хватаю ручки и начинаю записывать. Получились «Грустный рассказ» и «Веселый рассказ» — госпитальные истории военного времени, когда я мальчишкой помогал в медсанбатах. А тут меня в благотворительный концерт записали.

Чтецких программ у меня нет. Что делать? В полной панике и истерике положил опусы в карман и отправился в «Россию». А там были все и было все: от Дикуля до Джуны, от показа мод до священников. Я уже хотел было устроить катастрофу, как вдруг стал рассказывать, как я снимался в роли Льва Толстого у Питера Устинова. После концерта ко мне подскочил Коротич: «Все пишешь, а ты не пишешь! Ты чего не пишешь?!» А я: «На тебе» — и показываю на карман. Он выхватил мои рассказы. Потом позвонили из редакции: оказалось, что один из них — «рыхлый», а печатать будет другой. Прислали корреспондентшу, взявшую у меня интервью. И все. С тех пор прошел год, и ни рассказа, ни публикации, что не отразилось тем не менее на моем отношении к журналу.

— Вы счастливчик?

— Экое фривольное словечко. Легкомысленное. Чик-чик-чирик. Прыг-прыг.

У меня многое сходится. Многие успеваю сделать. Очень много разных совпадений и случайностей. Полно всяких баек по этим вещам. Ну вот как-то приехали к нам западные немцы, авторы фестиваля мюнстерского, в котором мы принимали участие. Я играл Яго (и счастлив, что не рвался к Отелло). Пришли они после спектакля за кулисы. А у них там колоссальная конкуренция театра с телевидением. На телевидении в 10 раз больше. Вот их руководитель и говорит: «Дуров, ты бы у нас не вылезал с экраном». И ткнул так автоматически пальцем в кнопку телевизора. И тут, крупным планом, в кепке появляюсь я и начинаю вещать, что план в колхозе завален, ничего не выполнено и т. д. А дело в том, что в это время показывали картину, где я снимался и — на тебе — ругал всех представителей колхоза за невыполненный план.

Или во время съемки на ковбойскую лошадь сел, обыкновенную лошадь... А она зашла в проем между пальмой и

чугунной стеной. Место очень узкое. Вдруг она сделала завал — стойку и упала на спину. Вижу, что окованная лука идет мне прямо в горло. Это все, смерть. Но помню, что вдруг оказался почему-то рядом. Первое, я попытался ласко с лошади сбросить. Мы побарахтались с ней. И все обошлось. Во окружающие в панике, перепуганные. Хозяин лошади так просто в джунгли убежал, на вторые сутки наши. Думал, что убил меня. А я даже не волновался, больше за лошадь, потому что чужая. Потом режиссер ходил на это место. Пришел и говорит: «Как хочешь, а там тебе места нет». Но я отчетливо помню, что упал и лежал рядом с лошадью, ее бок был возле меня. Я сам сходил туда. Чугунная стена и пальма. Все измерил. Места для меня там не было. Потом уже в самолете прокрутил в полудреме все сначала, все подробности. Все повторилось. Что это такое, я не знаю. И это было. Так что в этом смысле, можно сказать, что счастливчик.

— Вы верующий?

— Я крещеный. Но оригинальным не буду, если скажу, что буквально в бога не верую. В церкви, когда слушаю службу, на меня снисходит что-то. Становлюсь лучше. Многие наши беды из-за того, что перечеркнули религию, церковь, как мракобесие. Это не так. Неправильно. Церковь — некое ограничение. Она призывала к ответственности за нашу вечность. Мы бесконечны. В памяти, ну, я не знаю, в воздухе. Не исключаем, мы все присутствуем. И вот вспоминаю пример. Был я в одном городке во время церковного праздника. Проповедь в церкви. Огромная праздничная толпа. Красивейший, торжественный крестный ход. А вечером напротив в Доме культуры дискотека. Мордобой, милиция. И старик сторож сказал: «Вот что на что променяли». Было страшно. Рядом два культовых здания. На проповеди люди плакали, слушая песнопения, в душе — высокое. Второе — недоумение, страх, поножовщина, бутылки, взвизгивающие девичьи. Я не видел, чем все кончилось, но мог предположить. А конец праздника — люди вернулись домой, думая о вечном, о том, что должны чувствовать себя виноватыми перед близкими, быть лучше, думая о вечном философском смысле.

...Я был для нормального человека, наверное, во многих странах. И честно скажу: нигде бы жить не смог. На третий день уже начинаю вопить: «Домой! Домой!» Но многое меня там поразило. Ведь у нас нет даже уважения к государственному флагу. Я видел в Мексике, как каждое утро, чеканя шаг, гвардия выходит со сложным знаменем, разворачивает его и торжественно поднимает. А вечером так же торжественно и гордо, точно таким же порядком сворачивают флаг до следующего утра. И так каждый день.

Или, если там где-нибудь помотришь на человека, он сразу к тебе, с улыбкой: «Могут быть чем-то полезны?» У нас — сразу за грудки: «Чё те, пабло, надо?». Не зря взревел Ефремов на высоком собрании — пока не поднимется культура, не тронется ничего, ни экономика, ничего. Правильно, у нас много нетворческих забот, но культура — первооснова. И, как кто-то сказал, чем больше богатых людей, тем богаче государство. И что это за авантюры постоянные. Я не видел ни одного мичуринского яблока. Покажите мне его. Где оно? И что за идея прививать груше сливу, а яблоку еще что-то? Зачем это? Кому это надо?

— Как со свободным временем?

— Практически нет. У меня много общественных работ, забот. Вообще я беспартийный, по природе анархист. В жизни амплуа не люблю. И себя не ограничивал бы. Мне диктовать никто не может, в порядке какой дисциплины руку поднимать... Если что есть — сделаю мгновенно и незамедлительно. Вот мы с актрисой Васковой все время по исполкомам и учреждениям ходим. Выбить кому-то что надо, или квартиру ветерану поменять, или заступиться за кого. Короче, забот много. Наш дуэт как видят, уже пугаются. А меня называют водителем Васковой.

Беседу вела
Кира МАГИД.

Особого настроения для разговора у Льва Константиновича Дурова не было.

— Жизнь какая-то тусклая стала, — говорит он, напевая.

— А чего поете тогда?

— Так если еще и не петь...

— Значит, не так уж и плохо?

— Хм. Когда скверно — матерюсь.

— Вы теперь народный артист СССР. Как ощущаете себя в новом звании? Говорят, что оно нынче дискредитировано.

— Вообще звание нужнее скорее нашим мамам. Но, как правило, они не дожидаются этого. А я уже не в том возрасте, чтобы быть обуреваемым тщеславием. А насчет непопулярности, то сейчас наоборот: раз в такое время дают, значит, уж за что-то. Вот в одном из писем поздравляют. Считают, что заслужил его «народным творчеством и гражданской позицией». А от Николая Николаевича Губенко телеграмма пришла с поздравлением и подписью: «твой министр культуры». Исторический документ, так как раньше все поздравления были чем? Сплошными отписками. Министр заметил также, что это единственное, чем пока может отреагировать Министерство культуры.

— Лев Константинович, а разве можно определить гражданскую позицию актера? Ведь он зависим... Или вообще гражданскую позицию в искусстве?

— Я понял. У каждого свой взгляд, но у меня тоже есть соображения по этому поводу. Я спокойно угадываю гражданскую позицию каждого актера. Прежде всего по содружеству, в котором он работает. С Эфросом у нас была своя позиция. Например, в чеховских «Трех сестрах», за которых нас ругали, она была высказана определенно: посиделки интеллигентных людей в заключение. Это была разгадка пьесы. Ведь не случайно у Чехова никакого действия, только разговоры. Эфрос разгадал секрет. Спектакль получился об интеллигентных людях в той, нам современной, атмосфере изоляции. Наши «дома» и «кухни».

И всю жизнь актеры переходили из театра в театр, искали свой круг, своих единомышленников. А гражданская позиция в искусстве... Одна женщина на встрече в Нижнем Тагиле заявила, что она восхищается творчеством Глазунова, а «Черный квадрат» Малевича ей абсолютно не нравится, и от него воротит.